

АРМАС ЭЙКИЯ
В РАДИОВОЙНЕ ПРОТИВ НЕМЕЦКОГО
И ФИНСКОГО ФАШИЗМА *

Предисловие Н. С. Тихонова

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АРМАСЕ ЭЙКИЯ

Финский поэт, прозаик, пропагандист, Армас Эйкия (1904—1965) с самых молодых лет стал активным участником революционного движения Финляндии.

Человек суровой трудовой жизни, прирожденный борец за права народа, он прошел большой путь революционера, смело вступая в битву с реакционерами и фашистами. Он был членом ЦК Коммунистической партии Финляндии, главным редактором газеты «Известия рабочих организаций». Как революционный поэт и страстный публицист, он был ненавистен фашистским хозяевам страны, которые бросили его в тюрьму и после пятилетнего заключения окружили таким наблюдением охранки и лапуасской агентуры, что он должен был покинуть Финляндию, так как впереди могла быть только новая тюрьма.

После Швеции он попал в Советский Союз и здесь продолжал борьбу против реакции, равнейшей вместе с Гитлером на войну с Советской страной.

В бурные годы войны я хорошо узнал характер этого непримиримого борца за свободу своего народа. Он, по природе своей бесстрашный человек, не боявшийся никаких опасностей, вел в осажденном Ленинграде большую пропагандистскую работу в радиовойне против немецкого и финского фашизма, о которой он рассказывает в своих воспоминаниях.

Он был изобретателен в этой непрерывной работе, применял самые различные способы воздействия на финских солдат, которые охотно слушали его передачи и читали написанные им листовки. Он советовался с нами, писателями, работавшими в Политуправлении Ленинградского фронта. Нас связывала большая, старая дружба. Иногда мы с Саяновым и Прокофьевым, вместе с ним, придумывали новые листовки и передачи. Так нами были выдуманы два финских солдата, которые вели короткую беседу о политическом моменте. Один из солдат был тупой фашист-шюцкоровец, другой — наивный дурак, который задавал фашисту вопросы, казалось бы патристического содержания, но и вопросы и ответы его партнера были так построены, что вызывали смех и одновременно заставляли задумываться.

Финские войска, остановленные осенью 1942 года на линии старой границы, до нашего победоносного наступления летом 1944 года не предпринимали большие никаких крупных военных действий, и в условиях позиционной войны финские солдаты охотно слушали глубокосодержательные, изложенные с народным юмором и большой убедительной силой, выступления Армаса Эйкия и даже, можно сказать,

* Публикуемые воспоминания были написаны Армасом Эйкия в 1964 г. для настоящего тома «Литературного наследия». Они печатаются в переводе с финского Г. П. Корень. Предисловие Н. С. Тихонова написано после смерти А. Эйкия, последовавшей в ноябре 1965 г. — *Ред.*

привыкли к ним настолько, что он стал очень популярен среди солдат, силой втянутых в войну за «Великую Финляндию до Урала», о которой бредили фашисты-лапуасы.

Когда взятые в плен после разгрома новой линии Маннергейма финские солдаты освоились в своем новом положении, увидели, что плен есть спасение и единственный выход из безвыходного положения, они попросили, чтобы к ним приехал тот человек, который три года вел с ними беседу о бессмысленности войны на стороне Гитлера и об освобождении Финляндии из-под власти фашистов, человек, к слову которого они привыкли, — Армас Эйкия.

И он приехал и беседовал теперь лицом к лицу со своими постоянными слушателями и читателями его листовок. Со свойственным ему юмором Армас Эйкия рассказывал им, как фашисты Гитлера и Маннергейма уже напечатали билеты на ужин победы в гостинице «Астория» в Ленинграде и как билеты остались на память потомству, а ужин не состоялся.

Армас Эйкия принадлежал к тем цельным натурам, для которых в жизни возможен только прямой путь. Никаких компромиссов, никаких соглашательств. В его политических и лирических стихах отражен национальный финский характер, этим стихам присуща вера в дух интернационализма, в победу Советского Союза, в новый революционный гуманизм, в свободного человека будущего.

Им написана прекрасная поэма об одном из виднейших революционеров Финляндии, Тойво Антикайнене, а также поэма «Человек вне закона» — о судьбе финского коммуниста, который отказался сражаться против Советского Союза, о его героическом сопротивлении и смерти в бою с фашистами.

Армасом Эйкия, который до последнего дня своей жизни жил в Хельсинки, создана и сатирическая книга «Лотта Хильпелайнен» — в ней он разоблачал разложение и продажность реакционных государственных деятелей, наживавшихся на войне.

Он много переводил русских поэтов-классиков и советских поэтов. Известны его переводы Пушкина, Лермонтова, Блока, Брюсова, Маяковского. Им написана книга о Владимире Маяковском. И книга об основоположнике финской пролетарской поэзии Кёсси Каатра.

Он пользовался большой популярностью и любовью честных людей Финляндии, мирных тружеников, и имя его было грозой для тех, кто еще мечтал о возврате к прошлому, к тем временам, когда фашизм давил страну железным каблуком шюцкоровского сапога.

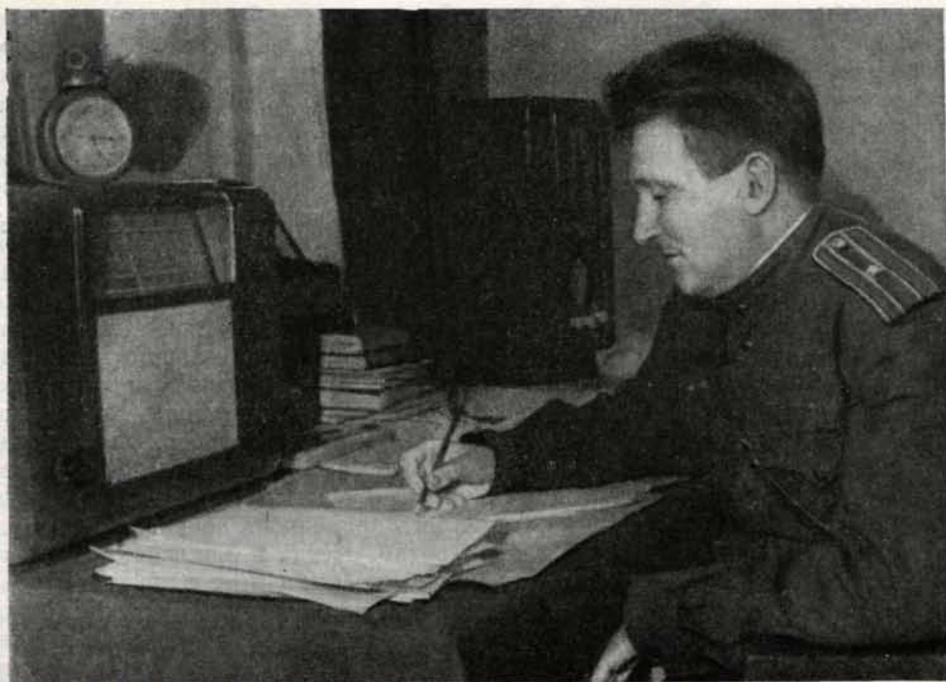
В книге о Великой Отечественной войне среди имен его боевых друзей должно быть названо и его имя — поэта, солдата, борца, гуманиста.

Так же как многие другие писатели фашистских стран, воевавших на стороне гитлеровской Германии, я участвовал в войне на стороне СССР и его союзников. Я хотел таким образом содействовать освобождению народа Финляндии от тирании Гитлера. Когда финская армия, подчиняясь своему правительству, которое действовало по указке Гитлера, пошла в 1941 г. в наступление против Советского Союза и Ленинград оказался блокированным и со стороны Финляндии, я переехал из Петрозаводска в Ленинград, чтобы разъяснить по радио народу Финляндии, что его втянули в войну не на той стороне и что его долг выйти из войны как можно скорее.

Я пробыл в Ленинграде почти всю войну. Видел страдания ленинградцев во время блокады и видел мужество защитников Ленинграда, о которых уже написано много хороших произведений.

Однако в своих воспоминаниях я не затрону этой темы, а расскажу о том, что для многих советских читателей будет новым и, возможно, небезынтересным, — об освободительной войне на радиоволнах.

Из Ленинграда было проще всего обращаться по радио к народу Финляндии, вынужденному слушать только прогерманские тексты фашист-

АРМАС ЭЙКИЯ

Фотография, 1943

Литературный музей, Москва

ских пропагандистов. Радиоспециалисты Советского Союза изобрели способ, дававший возможность вклиниваться в волну радиостанции Лахти, через которую из Хельсинки передавали военную пропаганду. Так для меня оказалось возможным вступить непосредственно в диспут с пропагандистами военного правительства Финляндии.

Наш диспут начался внезапно, и он застал пропагандистов Хельсинкского радио совершенно врасплох. Когда они заверяли своих слушателей, что победа Гитлера — дело верное, тайный голос возразил: «Не спешите, война только началась». Из Хельсинки сообщили, что «основные силы Красной Армии уже разгромлены», и сразу был дан ответ: «Их еще даже не успели мобилизовать». «Финляндия победит вместе со своими немецкими братьями по оружию», — уверяли в Хельсинки. «Кто с господами из Германии по ягоды пойдет, тот и кузовка своего не найдет», — отвечал голос финской поговорки. Иногда я пользовался даже текстом Библии — ведь в числе радиослушателей было много верующих. Помню, к примеру, как некий Ватанен, делая обзор военного положения, заявил, что военные силы Германии и Финляндии скоро покончат с ленинградским котлом и «получат чудесный улов Петра». Я ответил: «Как в Библии сказано, такой чудесный улов, что их сети прорвались».

Такого рода радиовойна была внове, и слушатели были так же ошеломлены, как и руководители финского радио. Финские инженеры, очевидно, не в состоянии были сразу разобраться, каким образом свободное слово могло путать все карты любителей военной пропаганды, утверждавших, что Гитлер ведет молниеносную войну и выиграет ее в несколько месяцев. Сюрпризом для слушателей был ответ, слышный так же ясно, как и голос Хельсинкского радио: «Против Гитлера — Советский Союз и военная коалиция западных государств, у которых многократный экономический и

военный перевес. Эта сила еще не собрана, но ее объединят и разобьют Гитлера. Только болваны хотят идти на гибель за деспотию Гитлера». Такие беглые короткие замечания напоминали радиослушателям о фактах, которые замалчивала финская фашистская пропаганда. Они заставляли людей задуматься над вопросом: зачем Финляндия должна вести войну за германский империализм? Поэтому от финских радиоинженеров потребовали, чтобы они нашли средство, которое могло бы заглушить этот раздражавший правителей Финляндии голос.

И инженеры нашли. Вскоре я уже не мог спокойно вставлять свои замечания. Как только слышался мой голос, в Хельсинки запускали машину для помех, которая тут же его заглушала. Но изобретение было не очень гениальным, ибо оно заглушало и голоса военных пропагандистов, излагавших свои официальные соображения по Хельсинкскому радио. Радиовойна на этом далеко не закончилась. Я просиживал у микрофона иногда до позднего вечера и отвечал как можно более короткими фразами, поскольку приведение и действие глушилки требовало хотя бы нескольких секунд времени. И я всегда успевал сказать несколько слов, прежде чем сильное жужжание начинало заглушать голоса как мой, так и моего соперника. Тут уже не оставалось времени на обоснования и выводы: необходимо было все сказать коротко. Когда в Хельсинки заявляли, что «война уже выиграна», слышалось восклицание: «Она только начинается». За этим следовало жужжание, заглушавшее оба голоса. Когда жужжание прекращалось, голос из пространства спрашивал: «Вы боитесь голоса правды?» И — снова непрерывное жужжание. Иногда ему случалось длиться долго. Но ведь не могла же радиостанция посылать в эфир только одно жужжание! Борьба за право голоса продолжалась целыми днями. Позднее, когда я уставал от бесконечного сидения у микрофона, беседа прекращалась, но время от времени она возобновлялась, — и так было до самого конца войны.

В роли одного из самых рьяных пропагандистов Гитлера и Маннергейма выступал тогда по финскому радио бывший сыщик охраны Юрье Кильпелайнен. У него на радио были постоянные передачи под рубрикой «Почтовый ящик Яфета». Радиослушатели писали Яфету, высказывали различные мнения и ставили вопросы, на которые Яфет отвечал обыкновенно с юмором, в стиле жителей Саво*.

Радиослушатели прислали ему вопрос, что это за голос, который постоянно возражает ему и заставляет радио жужжать так, что подчас ничего не слышно. Яфет со своими помощниками знал мой голос, который часто совершенно лишал его чувства жюмора. Он начал наступление против меня. Яфет пообещал, что как только финская армия вступит в Ленинград, Эйкия посадят в клетку, отправят в Финляндию и повезут по улицам городов и деревень, чтобы все могли поиздеваться над ним. Я, естественно, ответил: «После окончания войны и разгрома фашизма я вернусь на родину добровольно. Хотелось бы только, чтобы Финляндия вышла из войны Гитлера раньше, чем военные руководители сами окажутся в клетке».

После этого Яфет взял на себя задачу отвечать на вопросы, которые задавали радиослушатели об Эйкия. Однажды он сочинил даже, что Эйкия до войны где-то растратил деньги какого-то объединения и является, стало быть, «уголовным преступником». Но никакие лживые выдумки не могли заставить исчезнуть из финского радио голос, шедший как бы из вселенной. И чем больше проходило времени, тем все более настойчивым становился голос. «Не мешайте, — заявлял голос, — дайте мне говорить

* Жители губернии Саво известны в Финляндии как забавные остряки и шутники. Отпуская остроты, они остаются невозмутимо серьезными, словно бы не замечая собственных шуток (прим. переводчика).

правду только один час в сутки, а все остальное время — 23 часа — можете лгать, как хотите».

Когда вслед за Италией и другие сателлиты Гитлера стали стремиться выйти из войны, одна финская газета написала, что экспресс событий мчится быстро. Голос заметил на это: «Смотрите, друзья хорошие, как бы Суоми не отстала от поезда». Спустил пять лет после окончания войны один лапландский крестьянин, будучи в Хельсинки, пришел повидаться со мной, и когда я спросил, что слышно там, в Северной Финляндии, он ухмыльнулся и сказал: «Я зашел только познакомиться и сказать спасибо. Это ведь вы тогда говорили, что наша Суоми не должна отстать от экспресса».

Это была особая «холодная война», делавшая финских работников радио, ревностных слуг Гитлера, настоящим посмешищем. Пословицы, анекдоты и иронические замечания, которые слышались как будто бы из-за спины гитлеровского военного пропагандиста, подтверждали вести о поражениях, прибывавшие из других мест. Они постепенно оказывали свое влияние и на настроения солдат, убеждали в том, что не стоит финнам лишаться голов в войне за Гитлера и его маршала. Когда летом 1944 г. началось наступление Советской Армии на Карельском перешейке, сыны Суоми часто, ничтоже сумняшеся, пускались в бегство. Но я не верю, что это происходило по причине их трусости. Полагаю, что мужественные финские солдаты бежали потому, что они действительно потеряли веру в победу фашистских правителей Германии и Финляндии и хотели мира. Впоследствии я слышал, что многие из них смеялись и говорили о том, как хорошо было бежать, когда незадолго до побега по радио слышалось дружеское напутствие: «Ребята, возьмите-ка бутылочку воды из Сестры-реки и Свири и отнесите ее на память маршалу, что перебивается в тылу».

В радиопередачах, посылаемых мною на ленинградских волнах, я пытался разъяснить финнам то же самое. Я знал в начале войны, что и военное руководство Финляндии, и армейские офицеры верят в победу Гитлера. Поэтому моей первоочередной задачей было пошатнуть эту веру. В обзорах военного положения я отмечал, что победы Гитлера были возможны, главным образом, потому, что пока он еще не сталкивался с такой силой, которая могла бы разбить закаленные на полях сражений фашистские армии. А сила такая существует. Во-первых, это Советский Союз, который пока еще не собрал всей своей мощи, но уже собирает. Во-вторых, это западные союзники, которые пока еще по-настоящему не участвуют в схватке, но которые скоро вынуждены будут принять в ней участие, как бы косо они ни смотрели на Советский Союз. Второй фронт откроется в свое время. Это означает, что против Гитлера и его сателлитов есть боевой союз с многократным экономическим и военным перевесом. В-третьих, войска Гитлера оккупировали многие страны и подняли там гнев народных масс против фашизма. На захваченных территориях Советского Союза ведется партизанская война, которая постоянно подрывает силу оккупантов.

Движение Сопротивления нарастает и оформляется сейчас во всех оккупированных Гитлером странах и будет заметно приближать момент поражения гитлеровской Германии. Через некоторое время эти силы скажут свое веское слово. Германия Гитлера падет, а Финляндия поступит тем умнее, чем скорее она выйдет из войны. Военное правительство — Рюти, Маннергейм, Таннер и компания — не желает делать этого, так как слепо надеется на победу Гитлера. Значит солдатам надо быть более прозорливыми, сдаваться в плен или бежать в тыл и организовывать движение Сопротивления. Народным массам нужно требовать мира, нужно устранить военное правительство, безропотно подчиняющееся приказам Гитлера и ведущее народ к гибели.

ОБРАЩЕНИЕ К ФИНСКИМ СОЛДАТАМ

Линографюра Б. И. Пророкова.
Полуостров Ханко, лето 1941 г.
Текст листовки: «Солдаты и офицеры финской армии! Довольно проливать кровь за интересы Гитлера. Сбросьте с ваших плеч фашистских наемников»

Собрание В. А. Рудного, Москва

В 1941—1942 гг. эти доводы не казались в Финляндии очень убедительными. Военная пропаганда правительства, которая распространялась не только по радио и через печать, но также через школы и церкви, заставила большинство народа поверить, что Гитлер победит, а с ним вместе победит и Суоми. В Ленинграде я встречал в 1941 г. только два типа финских военнопленных: тех, которые были в восторге от побед Гитлера, и таких, которые считали это делом очень скверным, но тем не менее неизбежным. Попадались и такие, которые принимались угрожать, несмотря на свое положение военнопленных, запугивали нас приходом в Ленинград Гитлера и Маннергейма. Разумные речи в то время, казалось, не помогали.

К концу 1942 г. положение начало постепенно меняться. Военнопленные заявляли уже всё более часто, что они не верят в победу Гитлера. Даже те, которые на нее еще недавно надеялись, начинали сомневаться. В начале 1943 г. военнопленные уже довольно часто осуждали финское правительство и желали выхода Финляндии из войны. Официальной пропаганде Финляндии пришлось тогда уже и по радио возражать тем, которые слушали «нашептывания коммунистов» и саботировали военные мероприятия. Так я получал с помощью и финского радио, и военнопленных довольно точные сведения о положении дел и мог в связи с этим менять тон моих радиообозрений.

Впоследствии я пробовал разузнавать о том, как менялись настроения в Финляндии в военные годы, и впечатление у меня сложилось такое, что пассивное сопротивление народных масс было в 1943—1944 гг. очень широким, тогда как активная борьба против войны и военного правитель-

ства была незначительна. Но естественно, что даже незначительные признаки активного сопротивления, так же как и рост в народе настроений против войны, повлияли на то, что внутри военного правительства и руководства армии возникли противоречия, которые усиливались в связи с непрерывно ухудшавшимся военным положением. Видя неизбежное поражение Гитлера и понимая, что ни Англия, ни Соединенные Штаты не смогут уберечь их от ответственности, финские военные руководители решили спасти хоть что-нибудь и пошли на прекращение войны в сентябре 1944 г. На протяжении предшествовавших этому месяцев в радиовойне обсуждался, главным образом, вопрос о том, когда Финляндия выйдет из войны.

Помимо такого прозаического разговора, я в течение всей войны передавал на ленинградских радиоволнах свои стихи, которых писал довольно много. Обычно, сделав обзор военного положения и подвергнув критике политику правительства Финляндии, я заканчивал вечер «новинкой». Часто это бывала эпиграмма, посвященная какому-нибудь злободневному событию. Когда, например, военное правительство Финляндии в марте 1943 г. было переформировано с целью обмануть общественное мнение и создать впечатление, что якобы создано новое правительство «на широкой парламентской основе», я послал в эфир следующую «вечернюю новинку»:

На парламентской основе
Пусть правительство сидит;
Каждый знает, что на деле
Гитлер им руководит!

Таких «вечерних новинок» появилась в период войны не одна сотня. Но, разумеется, в области поэзии я не ограничивался только сатирой. Так, в начале войны, когда финская военная пропаганда провозгласила, что Ленинград скоро будет повержен и уничтожен, я много раз читал по радио написанное тогда мною стихотворение «Вечный город Ленина». Последняя строка в каждой строфе повторяла мысль, что Ленинград вечен. Заключительная строфа звучала так:

Ленинград, не сдающийся, верящий твердо в победу,
Час придет — разметешь ты фашистов железной метлой.
Пленных стран города за тобою подымутся следом
И захватчиков подлых бесстрашно прогонят долой...
Над Невой возмущенной снаряды, как огненный град,
Но стоит, как скала, вечно будет стоять Ленинград*.

В 1942 г. среди финских солдат был распространен сборник моих стихов «Зажигательные бомбы», куда вошли такие стихи, как «Пещерный человек», «Отчет перед историей», «Песня обездоленных». Два первых, как и «Вечный Ленинград», были опубликованы в русском переводе в сборнике «Под северным сиянием» (1955). Русский перевод «Песни обездоленных» был помещен в сборнике «Поэзия Финляндии» (1962). В сборнике на финском языке «Огненное кантеле», вышедшем вскоре после окончания войны, были напечатаны главным образом стихи, написанные в период блокады Ленинграда, в том числе поэма «Мать человеческая», которая появилась также на русском языке в сборнике «Не смеркнет свет».

Некоторые стихи, написанные во время войны, есть и в моем сборнике «Стихотворения», опубликованном в 1963 г. на русском языке. В нем есть, в частности, замечательный перевод Н. Брауна моей поэмы «Человек вне закона», в которой описывается героическая борьба и гибель финского коммуниста Вейкко Пёюсти, участвовавшего в 1942 г. в движении Сопротивления.

* Перевод П. Железнова.

Фашистская военная пропаганда Финляндии, естественно, объявила меня «изменником родины» за то, что я боролся на стороне СССР и его союзников против гитлеровской Германии и ее вассалов. Мне приходилось часто разъяснять по радио этот вопрос, и я доказывал, что немало честных патриотов из стран, втянутых в войну Германией в качестве ее союзников, оказались в изгнании и сражались против фашизма. Моя борьба против военного правительства Финляндии была борьбой за мою родину Суоми и за ее народ. Этой теме посвящено мое стихотворение «Отчет перед историей», заканчивающееся призывом ко всем финнам:

Мы одни
 пред Историей строгой
 в ответе,
 будешь ты
 виноват
 и я,
 если прочь
 не прогоним
 предателей этих,
 лица подлые
 заклейма!
 Остаются
 часы
 и минуты
 для этого!
 Если жаждешь свободы
 простой человек,—
 ты гони из страны
 палачей финноедов!
 И История
 это запишет навек! *

Военная пропаганда Рюти и Таннера отвечала, задыхаясь от злобы, на эти стихи-лозунги. Но Финляндия поступила именно так, как советовал поэт. Когда было подписано перемирие 19 сентября 1944 г., в его условиях был пункт, по которому финская армия должна была изгнать немецкие нацистские войска из Финляндии. Те сопротивлялись до последнего, жгли и разрушали области Лапландии, но закон истории оставался неумолим. Нацистов изгнали из Финляндии, и этот факт действительно сохранился в летописях истории. Он означал спасение самостоятельности Финляндии, начало периода дружбы Финляндии и Советского Союза. Я горжусь тем, что сражался за эту дружбу в самые тяжелые дни войны, так же как тысячи других граждан поработанной фашизмом Финляндии. И хотя силы войны и национализма имеют пока еще влияние в среде реакционной буржуазии Финляндии, я уверен в том, что их ждет окончательное поражение и что народам Финляндии и Советского Союза никогда больше не придется переживать «годы великой ненависти».

* Перевод С. Кирсанов